

**СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ БЕЛАРУСИ
(НА ПРИМЕРЕ КНИГИ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ
«ВРЕМЯ СЕКОНД ХЭНД»)**

Губская Ольга Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный экономический университет
Минск, Республика Беларусь

**SPECIFICITY OF PERCEPTION OF THE
RUSSIAN–LANGUAGE LITERATURE OF BELARUS
(ON THE EXAMPLE OF SVETLANA ALEKSIEVICH'S
BOOK "TIME OF SECOND HAND")**

Gubskaya Olga
PhD in Philology, Associate Professor
Belarus State Economic University
Minsk, Republic of Belarus

Аннотация: В данной статье затрагивается проблема восприятия русскоязычной литературы Беларуси внутри страны. В качестве примера используются произведения С. Алексиевич и А. Адамовича. Внимание акцентируется на необходимости введения национальных маркеров, которые сближают белорусского читателя с художественным образом. В обратной ситуации, несмотря на вхождение в контекст мировой литературы, возможен разрыв с контекстом национальным.

Abstract: This article addresses the problem of the perception of the Russian–language literature of Belarus within the country. As an example, the works of S. Aleksievich and A. Adamovich are used. Attention is focused on the need to introduce national markers, which bring the Belarusian reader closer and artistic image. In the reverse situation, despite entering the context of world literature, the gap with the national context is possible.

Ключевые слова: русскоязычная литература; художественный образ; языковая политика; контекст; дискурс; текст; роман–оратория; факт.

Keywords: russian–language literature; artistic image; language policy; context; discourse; text; novel–oratorio; fact.

Русскоязычная литература Беларуси – явление естественное (в стране, где билингвизм является языковой политикой государства, по–иному быть и не может), но при этом достаточно неоднозначное для общественного восприятия. В чем же особенность восприятия такой литературы? Попробуем разобраться.

С одной стороны, русский для большинства белорусов – язык ежедневного использования. На нем они мыслят, общаются, ведут делопроизводство. Повторюсь: для большинства, но не для всех. Это значит, что белорусский язык также используется во всех сферах деятельности человека, только в более узком социальном пространстве. Значит ли это, что белорусский язык постепенно выходит из сферы употребления? Ни в коем случае. Белорус разговаривает по-русски не столько по политическому убеждению, сколько для усиления оперативности общения, и при малейшей попытке лишения белорусского языка статуса государственного выскажет решительное негодование. Не случайно и возникновение проблемы идентификации литературы на русском языке: кому она принадлежит по факту, какие культурные ценности отражает, проблемы какого народа затрагивает? Очень ярко этот нюанс восприятия проявился в 2015 году, когда Светлана Алексиевич, впервые в истории Беларуси, стала лауреатом Нобелевской премии «за многоголосое звучание ее прозы и увековечивание страдания и мужества».

СМИ в данном случае – та лакмусовая бумага, которая максимально точно отражает мнение читательской аудитории или, в определенных случаях, подводит эту же аудиторию к правильной, «нужной» трактовке события. Для примера возьмем несколько популярных белорусских изданий. Так, газета «АиФ» трактует это событие следующим образом: «Лауреатом Нобелевской премии по литературе за 2015 год стала белорусская писательница Светлана Алексиевич с формулировкой «за многоголосое звучание ее прозы и увековечивание страдания и мужества». Портал TUT.by дает заголовок «Сегодня в 14.00 по минскому времени Шведская королевская академия наук назвала имя нового лауреата Нобелевской премии по литературе. Впервые в истории ее получила гражданка Беларуси – писательница Светлана Алексиевич» [7]. Газета «СБ сегодня» заявила так: «Нобелевская премия по литературе, самая, наверное, заметная из всех премий мира, – у белорусской писательницы!» [8]. Уже в этих примерах наблюдаются разночтения – кем приходится победитель для Беларуси: гражданином страны или белорусским писателем. В принципе, разница мало заметная, но при этом для белоруса ощутимая.

Общеизвестно, что отец Светланы Алексиевич – белорус, мать – украинка, а переехали они в Беларусь после демобилизации отца из армии. Никакой связи с Россией, кроме русского культурного, а точнее, литературного контекста, который формировал мировоззрение будущего писателя, не присутствует. Но и это правда наполовину, так как большое влияние (по признанию самой Светланы Алексиевич) на нее оказал белорусский писатель Алесь Адамовичи и его известные книги «Я – из огненной деревни» и «Блокадная книга», написанные в жанре, который сам Адамович определял по-разному: «соборный роман», «роман–оратория», «роман–свидетельство», «народ сам о себе повествующий», «эпически–хоровая проза». «Мне повезло, я увидела человека, который смог вырваться из плоского мира, этой системы. Он учился у Толстого, Достоевского, потому что остальных книг не было; какие-то совершенно глубинные вещи можно было схватить только у одних и тех же людей – Чехова, Толстого и Достоевского. Это был человек европейского склада, он мне дал больше, чем весь университет. Он научил меня мыслить, поставил мне машину мышления» [9], – подчеркнула Светлана Алексиевич в одном из интервью.

Жанр романа–оратории был профессионально прочувствован писательницей, выпускницей факультета журналистики БГУ, и воспринят как отправная точка для творческого старта. Факт – как основа сюжета, стал одновременно и «брендом», и основой ее творческой стратегии. Белорусский литературовед Л. Синькова характеризует такую манеру письма следующим образом: «Точно зафиксированный реальный факт начинает проявлять себя как художественный образ, и, таким образом, жанрообразующим фактором следует считать именно эту смену функциональной роли документа в художественном целом» [3, с.95]. Функция документа как жанрообразующего элемента в определенной степени сформирована веянием времени. Как отмечает О. Жилевич, «грамадства перыяду канца ХХ – пачатку ХХІ стст. дасягае рашаючага значэння па шырыні і глыбіні перамен. Змены ахопліваюць усе сферы быцця чалавека, а таксама літаратуру і мастацтва, дзе адбываюцца працэсы жанравага зрушэння» [5, с.238]. Эта же мысль прослеживается и у И. Шматковой: «Пісьменнікі адчулі вострую патрэбу з’яднаць сучаснасць і гістарычны вопыт у адзінае цэлае. Мастацкае слова для іх, як і для У. Караткевіча, сталася своеасаблівай рэканструкцыяй духу, нацыянальнай душы...» [10, с. 17].

Однако, несмотря на то, что факт как жанрообразующее ядро, зафиксирован и в произведениях А. Адамовича, и у С. Алексиевич, их творения воспринимаются читателем по-разному. Например, при анализе произведения С. Алексиевич «Время секунд хэнд» студенты факультета журналистики отмечают, что данный текст достаточно сложно отнести к контексту белорусской литературы. На первый

взгляд они, как подготовленные реальные читатели, умеющие четко разграничивать образ автора и роль непосредственного писателя в тексте, правы. Ведь действительно, событийный ряд, затронутые проблемы, стилистика текста не имеют маркеров «Беларусь», «белорусская культура». В книге С. Алексиевич нет четких указаний на национальность персонажей, речь героев одинаково ровно стилизована автором. И это – ее принципиальная позиция. Она пишет о том советском человеке, который, по преимуществу, «забыл» свою национальность. Сама писательница в «Записке соучастника», открывающей произведение, уточняет: «Несколько лет я ездила по всему бывшему Советскому Союзу, потому что homo soveticus – это не только русские, но и белорусы, туркмены, украинцы, казахи... Теперь мы живем в разных государствах, говорим на разных языках, но нас ни с кем не перепутаешь. Узнаешь сразу! Все мы, люди из социализма, похожие и непохожие на остальных людей – у нас свой словарь, свои представления о добре и зле, о героях и мучениках. У нас особые отношения со смертью» [2, с. 7]. Действительно, отсутствие текстовой национальной окраски – авторская идея, осознанно подчеркивающая отсутствие индивидуальных особенностей народов, родившихся в СССР. Как отмечается в статье «Осмысление феномена человека: от эссе homo до homo soveticus (на примере произведений Максима Горьцкого, Василя Быкова и Светланы Алексиевич)»: «В книге «Время секунд хэнд» писательница делает попытку проанализировать опыт советского времени, разобраться в жизни «красного человека» [4, с. 21]. Но, к сожалению, эта стилистическая особенность произведения стирает национальный идентификатор и с самой писательницы, а как показывает педагогическая практика, для молодого поколения читателей его наличие немаловажно.

Для сравнения хочется вспомнить книгу–документ А. Адамовича, написанную в соавторстве с Я. Брылем, В. Колесником, «Я из огненной деревни...», особенным элементом которой является пластинка с записями историй–свидетельств уцелевших жителей из сотен белорусских деревень, сожженных фашистами. Хотя, даже если бы и не было пластинки, эта книга все равно бы отражала именно историю белорусских страданий, потому что автор осознанно демонстрирует диалектные особенности речи, подчеркивая индивидуальность, самобытность участника «истории страданий». Но вместе с тем – это страдания общечеловеческие: ведь также были жертвами жители чешского Лидице, французского Орадура, множества других мест. Для писателя каждая история – отдельный мир, каждое страдание – особенное, достойное персональной окраски. А. Адамович специально для читателя описывает речевые особенности рассказчика: «Рассказывает Барбарка, шестидесятилетняя Барбара Адамовна Слесарчук. Говорит со

странной и жутковатой усмешкой – будто страшную сказку, необычайно далекую, пережитую очень давно. Говорит временами почти совсем как сказительница – нараспев, с повторами, что не кажутся лишними, и по–местному – на трех или четырех языках одновременно: белорусско–украинско–русско–польском» [1]. После такой экспозиции в нашем воображении возникает не просто безликая жертва фашизма, а особенная «Барбарка», живущая в своем особенном мире, не искаженным «совком», который, несмотря на мировую трагедию войны, удержал особенности культурного пограничья. Недостаток это или достоинство литературного произведения? С одной стороны, если пользоваться современными ценностными ориентирами и терминами, то введение в дискурс персонажа диалектных особенностей затрудняет понимание текста, а, следовательно, сужает круг целевой аудитории. С другой стороны, в таком исполнении текст приобретает иную ценность – становится символом национальной белорусской культуры вне зависимости от языка, на котором он написан.

Возвращаясь к книге С. Алексиевич, отметим, что более опытному, сведущему в белорусской литературе читателю именно проблематика и тематика «Времени секунд хэнд» (о войне, социальной катастрофе, безвинных страданиях обыкновенного мирного жителя) немедленно напомнит как раз о белорусских корнях писательницы. Так, литературовед Л. Синькова, со ссылкой на российский специалистов, констатирует: «Безумоўныя сутнасныя сувязі маладзейшай пісьменніцы са старэйшымі відавочным адразу – асабліва для спрактыкаванага небеларускага, іншанацыянальнага вока (напрыклад, пецяўбургскіх даследчыкаў); яны, сувязі, вызначаюцца вельмі проста:

«– ...белорусы все так пишут. Василь Быков... <...> «Знак беды» – 1982–й, «У войны не женское лицо» – 1985–й. <...> это одно и то же [вылущена мною. – Л.С.]. <...> То есть следы тянутся к той быковской повести. Алексиевич – всегда про войну. Впрочем, как и Быков. <...>

– Неотвязный, так сказать, образ «Времени секунд хэнд» [6].

Здесь и проявляется особенность, даже, можно сказать, уникальность восприятия произведений С. Алексиевич: она не достаточно белорусская для национальной литературы, и «слишком белорусская» для литературы русской.

Итак, мы обратились к двум литературным произведениям: одно из них принадлежит учителю, создателю жанра романа–оратории А. Адамовичу, а другое – его ученице, С. Алексиевич, которая смогла отразить «многоголосное звучание прозы» и этим покорила весь мир. Однако, опираясь на опыт предшественников и по–своему развивая его в новом времени, она лишь слегка прикоснулась творческим пером к белорусам. В чем причина такой разницы подачи материала?

Возможно, действительно, как правильно указывала Л. Синькова, в «смене функциональной роли документа в художественном целом», а в контексте данных размышлений, скорее даже в векторе смены функциональной роли: если для А. Адамовича факт был важен вместе с его национальной составляющей, то С. Алексиевич рассматривает историю «интернационального» общества. И эта история такова, что читатель часто занимает позицию: это – не про нас.

«Общесоветская история» С. Алексиевич нивелировала национальные маркеры произведения. Войдя в мировое литературное пространство, данное произведение рассказало о трагедии общества интернационалистов. Но «коридор невозврата» к национальному проявился в особенностях восприятия книги С. Алексиевич – так же, как и русскоязычной литературы в белорусском постсоветском пространстве в целом.

Закончить же размышления хочется словами белорусской писательницы Людмилы Рублевской: «Для кого-то она (С. Алексиевич – О.Г.) была недостаточно белорусской, поскольку пишет на русском языке. Недавно на нее ополчилась караул-патриотическая литературская тусовка, посчитав недостаточно лояльной к идеям «русского мира». Было много пустой трескотни. Но побеждает-то в конечном счете искусство! Присуждение Нобелевской премии расставило точки над «і». Лично я считаю, главное – Светлана Алексиевич – белорусская писательница! И благодаря ей наша литература, наша культура и страна получили небывалое признание. И что мы с вами присутствуем при историческом событии. Может быть, кто-то из белорусских писателей в будущем тоже получит Нобелевскую премию. Но Алексиевич была первой, и это останется на скрижалях вечности» [8].

Список литературы

1. Адамович, А. Я из огненной деревни... [Электронный ресурс] / А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/ya-iz-ognennoj-derevni-read-316823-2.html> – Дата доступа: 02.03.19.
2. Алексиевич, С. Время секунд хэнд / С. Алексиевич. – Москва : Время, 2013. – 512 с.
3. Басова, А. И. Становление документально-художественного жанра в журналистике Светланы Алексиевич / А. И. Басова, Л. Д. Синькова // Весник БДУ. Серия 4. – 2009. – № 3. – С. 93–96.
4. Губская, О. Н. Осмысление феномена человека: от ессе homo до homo soveticus (на примере произведений Максима Горьцкого, Василия Быкова и Светланы Алексиевич) / О.Н. Губская. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30651180> – Дата доступа: 02.03.2019.

5. Jilevich, Olga Phenomenon of a solitary person in the parable literature / Olga Jilevich // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. научн. ст. по мат. межд. научн. конф., Пинск, 21–22 окт. 2016 г. / Полесский государственный университет ; под ред. Р. Б. Гагуа. – Пинск, 2016. – С. 283–290 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30651138> – Дата доступа: 02.03.2019.

6. Синькова, Л. Д. Белорусская художественная традиция в произведениях non-fiction С. Алексиевич [Электронный ресурс] / Л. Д. Синькова. – Режим доступа: <http://lsinkova.by/беларуская-мастацкая-традыцыя-ў-твор/> – Дата доступа: 02.03.19.

7. TUT BY MEDIA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/467702.html> – Дата доступа: 02.03.19.

8. Издательский дом Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/eye-glavnyu-den.html?page=user&id>. – Дата доступа: 02.03.19.

9. МойВУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.moyby.com/news/128298/>. – Дата доступа: 02.03.19.

10. Шматкова, І. І. Наталіца роднасці святлом...: Агульнае і адметнае ў творчасці Е. Лось, Н. Мацяш, Г. Каржанеўскай / І. І. Шматкова. – Мінск : Ковчег, 2011. – 148 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_32836393_95010507.pdf – Дата доступа: 02.03.19.